

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ВЛАСТЬ: ЗАМЕТКИ СОЦИОЛОГА О РОЛИ В «БАРХАТНОЙ» РЕВОЛЮЦИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ*

М. Петрусек

Кафедра социологии
Факультет социальных наук
Институт социологических исследований
Карлов университет в Праге
У Кржиже 4, 158 00 Прага, 5, Чешская республика

Статья посвящена оценке роли и места интеллектуалов в идеологической подготовке «бархатной» революции в Чехословакии в ноябре 1989 г. Рассматриваются социологические концепции революции, применимость их положений к анализу ноябрьских событий. Автор, анализируя последующее развитие Чехии, отмечает трудности перехода от посттоталитарного общества к рыночной экономике, описывает возникшую в результате революции социально-экономическую систему, характеризующуюся культом потребления, засильем массовой культуры и т.д., оказавшуюся далеко не такой, какой ее представляли «народные массы», которые испытывали определенную эйфорию по поводу будущего.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, власть, революция, посттоталитарное общество, общество потребления, массовая культура, человеческая природа.

Нарушая все принятые для научных публикаций правила, сразу же привожу ее основной тезис: с самого начала «бархатная» революция была подготовлена (не имеет значения, в достаточной или недостаточной степени) видной группой интеллектуалов, которые были главными акторами ноябрьского переворота 1989 г. «Народ» сыграл стандартную роль «граждан», присоседившихся к победоносному и, в сущности, неизбежному течению событий.

Объяснение этого феномена в принципе очень простое: «народные массы» были «куплены» политической элитой тем, что было создано общество «потребительского социализма», не слишком богатое, но и не особо бедное. Общество не было явно поляризовано на властвующую элиту, которая утратила легитим-

*Перевод с чешского Н.П. Нарбута.

ность и желание властвовать, и активную диссидентскую группу, которая требовала соблюдения гражданских прав (и только поэтому она не была готова взять политическую власть). Между этими полюсами находился «народ», использовавший предлагавшиеся режимом «блага» (дома отдыха, пионерские лагеря, различные премии и награды за «добросовестный труд») и живший своей личной «потребительской» жизнью. Это была в точности та ситуация, которую описал Дж. Дэвис [4]: в определенный момент массы осознают, что они имеют в целом достаточно, но совсем не столько, сколько бы могли иметь в сравнении с потребительским обществом западных стран. Вероятно, это было существенным мотивом к участию в «мятеже», но одновременно также очень плохим выходом, чтобы постепенно и неизбежно прийти к созданию демократической идентичности: с демократией эта «народная акция» не имела практически ничего общего (если не вспоминать первые два-три месяца естественного для таких событий энтузиазма).

Интеллектуалы сразу же после переворота раскололись: с одной стороны, на течение, группировавшееся вокруг Вацлава Гавела и разделявшее политически не очень ясную концепцию «неполитической политики», главной идеей которой было представление о построении гражданского общества (1) (как предпосылка функционирования демократии), с другой — группу, окружавшую Вацлава Клауса, сводившего политику к идеологическому и программному соперничеству политических партий (и исключительно их) по поводу легитимной власти в стране. Течение Клауса победило, и эта победа воплотилась в подобию первой политической партии, возникшей после ноября 1989 г. Гражданский форум (весьма аморфный политически) возглавлявшийся Гавелом, распался, после чего начала постепенно устанавливаться политическая структура общества.

Этот раскол оказал существенное влияние на дальнейшее развитие, в котором, к сожалению, социологи не сыграли практически никакой роли. Заниматься ноябрьскими и посленоябрьскими событиями они начали только *ex post* (исследуя трансформационные процессы). Речь не шла о «предательстве интеллектуалов» в классическом смысле, как его в 20-е годы прошлого века определил Жюльен Бенда. Речь шла об «измене от недоразумения и непонимания». Этот тезис хотелось бы рассмотреть в более широком контексте. Эмпирически лично я трансформационный процесс никогда не исследовал, тем не менее, как «ангажированный наблюдатель» (в понимании Раймона Арона), могу высказать свое мнение, используя социологическую терминологию, без которой нельзя обойтись.

Две или три культуры? В 1959 году писатель Чарльз П. Сноу опубликовал ставшую знаменитой книгу «Две культуры и научная революция», основной тезис которой гласит: «На одном полюсе находится художественная интеллигенция, которая случайно, пользуясь тем, что никто этого вовремя не заметил, стала называть себя просто интеллигенцией, как будто никакой другой интеллигенции вообще не существует... На другом — ученые, и такие наиболее яркие представители этой группы, как физики. Их разделяет стена непонимания, а иногда — особенно среди молодежи — даже антипатии и вражды» [24. S. 196—197]. Это разделение имело целый ряд значительных последствий и прежде всего закрепило убеждение, что ученые не понимают «реальной жизни», а художники не спо-

собны к рациональному анализу, рассуждениям и аргументации. Кто из художников, собственно, понял промышленную революцию? Сноу убежден, что никто, за исключением разве что Ибсена...

Это противопоставление «двух культур» в настоящее время не представляло бы слишком большого интереса, если бы сегодня — и в целом по праву — о себе не заявляла третья сила. Ученые, представленные прежде всего биологами (ни в коей мере не физиками), просто приняли к сведению существование «двух культур», между которыми существует коммуникационная пропасть, и заявили обществу, что роль «интеллигенции» в настоящее время выполняют скорее естественные, нежели «гуманитарные» науки, которые только и могут, что изъясняться на своем гипертрофированно непонятном языке в манере, заимствованной у Гегеля и Хайдеггера. Цена, заплаченная за это, заключается в том, что «культурная общественность» будет, скорее, читать популярные научные книги, написанные учеными, работающими в области естественных наук, чем непонятные трактаты гуманитариев, которые с содержательной точки зрения написаны так, как если бы в естествознании с конца XIX в. ничего не произошло; и более того, они считают это преимуществом. Не знать о том, что было достигнуто в генетике, математике, физике, астрономии, считается достоинством, так как у гуманитариев имеются свои «социальные конструкты», которым точное знание как модель уже давно не требуется, а с Ноева ковчега классическая верификационная методология (не важно — К. Поппера или кого-то другого) давно сошла на берег релятивизации всех истин и редукции роли общественной жизни и отношений к совокупности «дискурсивных практик». Они, возможно, даже не подозревают, что находятся на необитаемом острове.

Социология также, несомненно, потеряла шанс стать этой третьей культурой, как это когда-то предсказывал известный немецкий социолог Вольф Лепениес: «Задача социологии заключается в том, чтобы следовать за естественными науками, и даже стать неким социальным естествознанием; если же она оставит позиции сциентизма, то очень опасно приблизится к литературе. Это положение социологии как потенциальной третьей культуры между естествознанием и гуманитарными науками и литературой еще более осложняется тем, что ее идейный статус опирается на просветительскую и антипросветительскую традиции» [10].

Однако достаточно академизма. То существенное, что мы хотим сказать во введении, сводится к трем утверждениям:

1) позднетоталитарный режим (2) в Чехословакии, по существу, безмерно углубил разрыв между двумя традиционными культурами (деформация гуманитарных и социальных наук была более значительной, чем в других странах «социалистического лагеря», за исключением, может быть, Румынии), однако социально сплотил значительную часть (различных научных направлений) в молчаливом (!) сопротивлении исследовательской несвободе и интеллектуальной изоляции от мировой культуры;

2) в целом, интеллигенция была *via facti* отлучена от ее продажной части, которая служила режиму, и поэтому ни одна область знания, а также искусство (3) практически не развивались;

3) вступление третьей культуры в общественное интеллектуальное пространство требует нас принять во внимание, что целый ряд социальных феноменов мы будем должны интерпретировать, осознавая их «глубокую генетическую основу», по выражению одного из основателей социобиологии Эдварда О. Уилсона [18], который подчеркивал, что, не принимая существование постоянной человеческой природы, многого в обществе мы не объясним (4). Социология (в значительной мере благодаря марксистским концепциям) скатилась в пропасть радикального представления о возможности быстрого изменения не только общества, но и всего человеческого рода, каждого конкретного человека как социобиологического существа. Все тоталитарные и склонные к тоталитаризму режимы придерживаются представления, что человека можно изменить воспитанием, «промыванием мозгов» (индоктринацией) или даже инъекциями, а если не удастся, тем хуже для него. Хотя такая индоктринация, конечно, возможна, она генеративно (поколенчески) обусловлена и обычно преходяща и вариативна (ее механизмы отлично описал с позиций бихевиоризма Б. Скиннер в книге «По ту сторону свободы и достоинства», а беллетристически — Дж. Оруэлл в знаменитой антиутопии «1984»).

За этот миф «рациональной реконструкции человеческой природы» мы платим, кроме всего прочего, тем, что постоянно задаем одни и те же вопросы просто потому, что они постоянно задаются нашей «неизменной природой», понимаем мы это, или нет.

Развитие социальных наук (в Чехословакии с ноября 1989 г., на Западе — приблизительно с 1970 гг.) движется в двух радикально расходящихся направлениях: в том, которое уважает жесткие факты и методы естественных наук и стремится с их помощью объяснить все, что объяснимо или имеет смысл, и в другом, которое противопоставляет «сциентистской рациональности», в сущности, научное (но нередко только терминологически) «креативное своеволие» (типа радикального конструктивизма, «критического дискурсивного анализа» и т.д.). Этот несколько категоричный тезис не означает принятие биологизма классического типа или сциентизма контовской ориентации, а отклонение социологического самодовольства, которое ведет нашу науку к изоляции и социальной маргинализации. Польский социолог Марек Жолковский поставил точный диагноз: «Самым трудным является достижение гармонии между противоположными теоретико-методологическими ориентациями. Каждый теоретический подход содержит в себе определенную меру односторонности, однако дискуссионным вопросом остается, до какой степени возможно... эти противоположные элементы, содержащиеся в теориях, понимать как свидетельство о действительности или только о ее части и возможно ли понять их как свидетельства, которые взаимно дополняют друг друга» (5) [20; 29].

Интеллектуалы и власть: воображаемое ожидание и реальность. Проблема взаимоотношений интеллигенции и власти обсуждалась бесчисленное количество раз, наиболее «синтетично» в последние годы, к примеру, в работах французского историка, профессора парижского института политических наук Мишеля Винока «Столетие интеллектуалов» [19] и Г.С. Батыгина «Власть и интеллектуалы» [21]. Батыгин формулирует следующий теоретический тезис: ретроспектив-

ный взгляд на историю всех революций дает вполне убедительные доказательства, что революционный переворот никогда не был спонтанным действием «народных масс», а являлся следствием сложной конфигурации социальных факторов, в которых значительную, а зачастую и решающую роль играл слой образованных людей — интеллектуалов или интеллигенции: «Революции сравнивают со стихийными бедствиями и катастрофами. Их причины остаются не вполне ясными. Вполне возможно, что движущие силы революции заключены в интересах противоборствующих классов. Однако механизм революционного переворота приходит в действие благодаря „прослойке“ интеллектуалов, от которых зависят как угнетенные, так и угнетатели» [21. С. 36].

Такое понимание, давшее повод к размышлению А. де Токвиля о французской «буржуазной» революции и к анализу большевистской «пролетарской» революции П. Сорокиным, вело к оригинальной концептуализации в работе Л. Эдвардса (6) о «естественных историях революции», в которой, вероятно, впервые в социологическом контексте было заявлено, что модель хода французской революции носит универсальный характер (такой ее считал еще К. Маркс). Существенно и то, что революция (это видел уже Токвиль) [16] не просто битва темных сил эксплуататоров с ангельским хором угнетенных, не сражение между аморализмом, связанным с реакцией и добродетелью, ориентированной на прогресс, а следствие социальной ситуации, которая имеет определенные, точно различаемые стадии. Первая, подготовительная фаза — это подрыв легитимности «старого режима», задача, которую никто, кроме ангажированной части интеллигенции, выполнить не может: «Именно интеллектуалы и публицисты артикулируют и обеспечивают трансмиссию „социального мифа“; идеологий, норм морали и права, картин прошлого и будущего» [21. С. 36].

Этим, т.е. фактом потери или хотя бы существенного ослабления легитимности, объясняется и то, что чехословацкая «бархатная» революция прошла очень «элегантно», в соответствии с классической J-кривой Дж. Дэвиса, согласно которой, революция происходит не тогда, когда материально, экономически и социально режим находится «на дне» и полностью исчерпал себя, а наоборот, в фазе, когда в широких слоях населения пробуждаются претензии, которые были до этого времени приглушены, так как казались недостижимыми. Их реальная или виртуальная доступность становится для широких масс мотивом к тому, чтобы стремиться к революционным изменениям.

Вопрос, на который необходимо ответить, звучит так: о каком типе преобладающих стремлений и целей шла речь в ноябре 1989 г.? О тех, которые сформулировала группа противостоящих режиму интеллектуалов в своих программах и манифестах («Хартия-77», «Две тысячи слов», письмо В. Гавела Г. Гусаку и др.), или о стремлениях, шедших вразрез с этим диссидентским течением и ориентированных на то, что материально явно достижимо, но в действительности не достигнуто? Речь идет о классической дихотомии польского социолога З. Краснодебского — «свобода или гипермаркеты?».

Конечно, можно сформулировать противоположную гипотезу, что правивший до ноября 1989 г. режим делегитимизировал себя сам и для этого никакая актив-

ность «со стороны» (особенно интеллектуалов) не требовалась. Это путь (сейчас уже вполне обычный, заметный даже у В. Клауса) к принижению значения диссидентского движения и деятельности наиболее активной части «серой» зоны: активистов экологического движения, студенческих и естественно-научных дискуссионных клубов и т.д.

Не только свидетели, но и все, кто попытается реконструировать ноябрьские события, легко поймет, что материальные мотивы могли, несомненно, играть существенную роль в качестве неосознанных и непрокламируемых. Сильное стремление к значительному повышению жизненного уровня, тем не менее, не было тождественно представлению о «механическом возврате к рыночному капитализму». О нем — и это другая сторона медали — так же как и об однозначном и неограниченном возвращении к частной собственности, реституции (возвращении собственности, конфискованной после коммунистического переворота 1948 г.), не говорилось. Более того, само понятие частной собственности в «народе» вызывало сомнения — настолько сильно действовали идеологические догмы и социальная привычка говорить о «личной собственности». С другой стороны, было очевидно, что существование частной собственности является условием политической свободы. Это на историческом материале доказал Р. Пайпс [13]. О том же свидетельствует прежде всего опыт России, где отсутствие реальной «классической» частной собственности на всем протяжении ее истории до сегодняшнего дня делает невозможным или, по крайней мере, тормозит процесс эмансипации и его завершение.

Но проблема в другом. Она заключается в том, как было проведено возвращение к универсальным отношениям частной собственности. Заклинания акторов первых шагов приватизации именами Ф. фон Хайека и Л. фон Мизеса всего-навсего интеллектуальная игра в свете того, что реально произошло: стратификационные ножницы раскрылись очень быстро, и восхищение революцией, как и первоначальное искреннее желание «затянуть пояса», смогли компенсировать уже только сетевые гипермаркеты и дешевый азиатский текстиль. Получилось так, что ноябрьский (1989) девиз В. Гавела — «Правда и любовь должны победить ложь и ненависть» — превратился в издевательский (!) лозунг, и постмодернистские релятивисты с удовольствием к нему присоединились: правд столько, сколько людей, и нет ни универсальных истин, ни «универсальных функционеров», управляющих планетой. В последнем прав известный чешский социолог Вацлав Белоградский, но понял ли кто-нибудь его тонкое замечание, являвшееся критикой бюрократии?

Измена? — Все мы, конечно же, знали. Ожидания «народных масс», связанные с изменением общества, были усилены обещанием, что после относительно короткого, но напряженного периода «затягивания поясов» радикально изменятся не только социальные отношения, но прежде всего будет достигнут быстрый экономический рост и повышение благосостояния. В самом начале, когда В. Клаус еще не сыграл вместе со своей командой решающую роль, народ скандировал: «За Комарка, за коруну будет марка» (7).

Здесь мы имеем первую измену той части интеллектуальной элиты, которая осознавала, что не только переход к капиталистической системе не будет безболезненным, но прежде всего, что реальные болезненные проблемы будут прикрыты тем, что наступит триумф общества потребления. Насколько это была осознанная цель и насколько непредвиденное последствие, значения не имеет. Другими словами, ангажированная часть интеллектуалов знала, что в будущем мы не достигнем рая: «Не кажется, чтобы традиционные парламентские демократии предлагали способ, как по существу сопротивляться наступлению технической цивилизации, индустриального и потребительского общества; и они слепо следуют и беспомощны перед ним. Только способ, которым манипулируют человеком, становится значительно более рафинированным и тонким, нежели грубый способ посттоталитарной системы. Весь этот набор затхлых, концептуально невнятных массовых политических партий, имеющих профессиональный аппарат и лишаящих гражданина какой-либо личной ответственности; все эти сложные структуры скрытой манипуляции и агрессивных фокусов капитала; этот вездесущий диктат потребления, рекламы, потребительской культуры и настоящий информационный потоп, о чем столько раз писали, разбирали и анализировали, — все это действительно с трудом можно считать каким-то перспективным путем к тому, чтобы человек вновь обрел сам себя» — это написал В. Гавел в 1978 г. [8].

Как случилось, что альтернатива, которая сделала бы возможным избежать хотя бы некоторых наиболее «кричащих» опасностей, связанных с неизбежной трансформацией общества, не рассматривалась? Рассматривалась. Однако абсолютизированное (и вульгарно истолкованное) положение А. Смита о «невидимой руке рынка», которая сама все направит наилучшим образом, было незамедлительно обозначено как поиск «третьего пути», что являлось интеллектуальным преступлением первого порядка вплоть до конца 1990-х гг., когда начали выходить книги Э. Гидденса о «третьем пути», по сравнению с которым Гарвардские фонды (8) были детской игрой в куличики в «экономической песочнице». Но дело не только в экономике, которая, впрочем, вплоть до кризиса 2009 г. развивалась. Культура также пошла тернистым путем, который не привел ни к чему, чем бы мы могли с гордостью заявить о себе в Европе. Великие А. Дворжак и Л. Яначек все не вытянут, а чешские рок-группы на мировые подиумы не пробилась.

Вольфганг Вельш [17] предупреждал, что мы живем в обществе, которое чересчур «эстетизировано», «дизайнизировано», где все товары должны пройти по туннелю, в конце которого есть этикетка или афиша или реклама... Но последствием крайней эстетизации является «анестезация», эмоциональная и художественная нечувствительность. Глобализация эстетики — амбивалентный феномен, как все в нашем настоящем (по З. Бауману, амбивалентность — определенный знак «эпохи постмодерна» или «текучей современности»). То, что все носят бейсболки и преимущественно козырьком назад, несмотря на то, что в Чехии в бейсбол вообще не играют, нас все-таки объединяет, но в действительности это больше, чем только поверхностное объединение.

Не будем причитать над разлитым молоком. Поп-культура и массовая культура (мы и раньше знали о ней не только от Т. Адорно и М. Хоркхаймера [1],

но и от А. Клоссовской [9]) в своем первоначальном смысле овладели практически всем, и нет никого, кто бы отважился встать на их пути, не рискуя быть осмеянным. Заключение о том, что «нет разницы между высоким и низким искусством», является для некоторых в высшей степени воодушевляющим: элитарное просто исчезнет, а что, собственно, останется? Споры о том, должен ли был Карел Готт получить государственную награду или нет и сотрудничала ли знаменитая комедийная актриса Иржина Богдалова с госбезопасностью или нет? Основная ошибка в этом споре чисто понятийная. Ведь «высокое» и «низкое» суть априорно иерархические классифицирующие понятия... И желания участвовать в такой дискуссии нет абсолютно никакого.

Человеческая природа и парсонсовская схема AGIL. И как же это связано с «человеческой природой», о которой шла речь в начале? В театральной феерии «Цирк Гавела», идущей в Брно, журналистка задает Вацлаву Гавелу вопрос, который он поставил в открытом письме Президенту Г. Гусаку, и говорит ему, что тот же самый вопрос он бы мог задать и сегодня, когда и Гусака давно нет, и он уже не Президент.

В этом заключается суть дела: универсальный «материал», цементирующий тоталитарное общество, — страх, о котором и говорит Гавел, в либеральной демократии заменен универсальным «цементом», которым является прежде всего потребление. Шопинг — почти религиозное действие почти всего чешского населения, но и в нем, к сожалению, особо выделяются «новые русские», что вызывает уже и без того избыточную русофобию, а также неуверенность, неверие в правовое государство и силу закона. Всё это константы, которые в той или иной мере могут появиться в любом обществе и в любое время. Простое их перечисление не имеет смысла. Предлагается же, даже в некоторой степени злорадно, системный подход, который «покрылся пылью» и может показаться анахронизмом. Мы имеем в виду классическую парсонсовскую схему AGIL [23. S. 659], которая исходит из простой (почти аксиоматической) предпосылки, что общество, чтобы выжить или (хотя бы) находиться в состоянии относительного равновесия, должно сформировать четыре основные подсистемы, которые с необходимостью будут выполнять основные функции: экономическую подсистему (A), обеспечивающую адаптацию во внешней среде (включая природную); политическую (G), определяющую основные внутренние и внешние цели, которые должны быть достигнуты в долгосрочной или краткосрочной перспективе; нормативную (I), которая вместе с институтами права (суды, пенитенциарная система, законодательство и др.) обеспечивала бы законность социальной системы в целом; и наконец подсистему культуры (L), которая служит передаче образцов поведения посредством систем воспитания, сохранения традиций, формулирует и изменяет моральные ценности, оказывает влияние и формирует общественное мнение.

Представим классическое изображение схемы, в котором каждое из четырех полей (подсистем) разделено на три части: а) существенные признаки бывшего режима; б) ожидания, связанные с изменениями; в) реальность, насколько мы в силах ее постичь с помощью имеющихся данных, — и зададимся принципиальным вопросом: насколько определенные факторы (поведенческие, личностные,

культурные и т.д.) постоянны и контекстуальны, т.е. зависимы от времени и пространства.

Некоторые эмпирические и теоретические исследования были уже проведены чешскими социологами (Й. Вечерник, П. Матею, П. Махонин, М. Тучек и др.). Но ответа на вопрос, почему по прошествии двадцати лет (как показывают данные репрезентативных исследований) почти половина населения не удовлетворена достигнутым состоянием развития общества, они не дали. Гипотетически можно предположить, что сегодня (в отличие от 1989 г.) ожидания людей весьма реалистичны и отнюдь не сводятся только к потреблению.

Неудовлетворенность (и здесь нужно смотреть таблицу AGIL) связана с уровнем политической культуры, состоянием права в целом и исполнением его норм в частности правовой культурой, но также и с ростом количества преступлений и повышением уровня их жестокости, небывалым распространением до недавнего времени незнакомого феномена — наркотической зависимости, проблемой бездомности, случаями жестокого обращения с нелегальными эмигрантами и гастарбайтерами (особенно из Вьетнама, Украины, России) и др. Говорят даже о существовании политической и правовой мафии, о проникновении криминальных элементов в сферу политики и т.д. Эти явления нельзя недооценивать кроме всего прочего и потому, что, будучи односторонне интерпретированными, они искажают образ Чехии за рубежом.

В заключение — немного морализаторства. Чрезвычайно важной является проблема моральных норм, но вместо того чтобы причитать о том, что общество когда-то (когда?) было морально чистым, констатируем факт, что именно существенно изменилось — *pars pro toto* — восприятие стыда. Известный английский философ и социальный психолог Ром Харре [7] отмечает, что необходимо и принять, и уважать факт этического релятивизма или конвенционализма, так как мораль является способом поведения того или иного общества или группы. Чувство стыда, связанное с телесностью, становится совокупностью конвенций, которые изменяются в зависимости от локального контекста.

Понимание стыда за последние двадцать лет у нас изменилось так, как не менялось целые столетия (включая «бунтарские» 1960-е гг.). Изменение восприятия стыда (или понимания стыда как морального корректора) проявляется, например, в так называемой демонстративной эротике (эротические отношения вплоть до деталей демонстрируются открыто, и актеры абсолютно этого не стыдятся); в общественных местах в разговорах по мобильным телефонам люди публично обсуждают свои личные секреты, тайны и т.д. А стыд ведь не только связан с сексуальностью или интимными отношениями, но является также экономическим и политическим феноменом.

Одной из характерных примет нашего времени, на которую обратил внимание З. Бауман, является так называемая аудиофоризация, т.е. выведение определенных видов поведения, регулировавшихся моральными нормами, за рамки этой регуляции. Пример «грязных денег» — наиболее частое свидетельство этому: способ получения денег аудиофоризирован так же как и некоторые формы лоббизма.

Потеря стыда проявляется также в языке, который вульгаризируется, более того, это относится к так называемому литературному языку. Исчезают реальный этикет и просто приличия, сочувствие по отношению к старым, больным, покинутым, умирающим. Это же проявляется и в отношении к избирателям и «налогоплательщикам», если только речь не идет о предвыборной кампании.

Многое из этого отметил уже А. Смит, точно определивший роль зависти, доверия и стыда в экономическом поведении. Но это не «научная экономия» (согласно экономическому мейнстриму), так как данные эмоции, хоть и играющие какую-то роль в нашем экономическом поведении, нельзя количественно измерить и отобразить в виде диаграммы. Или все же можно?

Мы могли бы еще и должны были бы вспомнить и о политическом скандале как социальном явлении, которое сопровождает любую демократию, — речь идет только о том, как к нему отнестись. То, что в последнее десятилетие не было случая, чтобы какой-либо политик «извлек уроки» из своих неблагоприятных действий, не придает доверия властвующей элите.

Мы еще не касались в высшей степени важных проблем — секуляризации (чехи, согласно статистике, «самая атеистическая» нация в Европе) и исчезновении традиций. Тем не менее, будем счастливы, что живем в таком обществе, в каком живем: нас никто не преследует, не гонит, не запугивает. А то, что мы подчинены всевластной бюрократии? В таком случае мы никогда не слышали о М. Вебере, писавшем почти столетие назад: «Судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией и прежде всего расколдовыванием мира заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы... Если мы попытаемся насильственно привить вкус к монументальному искусству и „изобретем“ его, то появится нечто столь же жалкое и безобразное, как то, что мы видели во многих памятниках последнего десятилетия» [22. С. 733—734]. Так на что же, собственно говоря, мы сетуем?

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Ее радикальное подобие Р. Дарендорф характеризовал так: «Сегодня гражданское общество для Адама Михника, Яноша Кисе и большого количества людей — возможность создать источники власти независимо от государства и зачастую против него. Это означает создание густой сети автономных институтов и организаций, которые имеют не один, а тысячи центров, и которые не могут быть просто уничтожены монополистом, будь то партия или правительство» [3. S. 94].
- (2) В настоящее время уже существует согласие в том, что так называемый период нормализации (1970—1989) в Чехословакии не был «классическим тоталитаризмом», а в терминологии В. Гавела «посттоталитаризмом». Он основывался на негласной договоренности («общественном договоре») между властью и населением: управляемые удовлетворяются умеренным «благополучием» и минимальными репрессиями и за это оставляют властным органам свободу в проведении реальной (экономической, культурной, религиозной и т.д.) политики.
- (3) Поэтому судьбы «социалистического реализма» в Чехословакии были отличны от его судеб в СССР: «классический социалистический реализм» советского типа (который, впрочем, не имел в стране корней) развивался в Чехословакии с 1950 по 1955 гг. и затем постепенно отмирал. В период «нормализации» (1970—1989 гг.) кроме нескольких

памятников К. Готвальду и В.И. Ленину, не появилось ни одного артефакта подобного типа: более того, вся литература была совершенно аполитичной, без «идеологического заряда» (но строго цензурировалась).

- (4) Этим сегодня отнюдь не опровергается ставшая уже классической мысль Клиффорда Гирца, что «образ постоянной человеческой природы, не зависящей от времени, места и обстоятельств, от специальности или профессии, от преходящей моды и временных иллюзий, возможно — иллюзия» [6. S. 47]. Речь идет, скорее, об осознании того, что наша неизменная человеческая природа ограничена возникающими ситуациями и действиями, диалектикой постоянного и динамического, — сил, взаимно обуславливающих и влияющих друг на друга.
- (5) Еще перед ноябрем 1989 г. на метатеоретическом уровне я попытался решить эту проблему с помощью концепции «альтернативной социологии», основанной на социологическом применении физического принципа комплементарности [12].
- (6) Интересно, что в обширной литературе по социологии революции постепенно практически «исчезли» имена сначала П. Сорокина, а потом Л. Эдвардса.
- (7) «За Комарека, за крону получим марку». Экономист Станислав Комарек был представителем «третьего пути» и последователем реформистов 1968 г. Его «время славы» после 1989 г. длилось очень непродолжительное время — около двух лет.
- (8) Речь идет об одном из самых больших хищений в современной чехословацкой истории. Неизвестный американец чешского происхождения Коженный основал «Гарвардские фонды», выкупавшие у «обыкновенных граждан» акции, распределявшиеся государством в процессе так называемой купоновой приватизации (акции были определенной потенциальной бумажной оценкой государственной собственности, которую должны были «как можно быстрее приватизировать») с заверением, что их стоимость путем выгодных финансовых действий многократно возрастет. Коженный заработал миллиарды крон и спокойно удалился на Сейшелы, а сейчас живет в Кейптауне. Обманутые, естественно, не получили ни кроны.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Adorno T., Horkheimer M.* Dialektika osvícenství. — Praha, 2009.
- [2] *Brockmann J.* Třetí kultura: Za hranice vědecké revoluce. — Praha, 2008.
- [3] *Dahrendorf R.* Úvahy o revoluci v Evropě v dopise, který měl být zaslán jednomu pánovi ve Varšavě. — Praha, 1991.
- [4] *Davies J. C.* When Men Revolt and Why? — N.Y., 1971.
- [5] *Edwards L.* Natural History of Revolution. — Chicago, 1970.
- [6] *Geertz C.* Interpretace kultur. — Praha, 2000.
- [7] *Harré R.* Embarrassment: A Conceptual Analysis // Shyness and Embarrassment / Ed. by R. Crozier. — Cambridge, 1990.
- [8] *Havel V.* O lidskou identitu. — Hamburg, 1989.
- [9] *Kloskowska A.* Masová kultura. — Praha, 1967.
- [10] *Lepenieš W.* Niebezpieczne powinowactwo z wyboru. — Warszawa, 1996.
- [11] *Malia M.* Lokomotivy dějin. — Brno, 2009.
- [12] *Petrusek M.* Alternativní sociologie. — Praha, 1992.
- [13] *Pipes R.* Vlastnictví a svoboda. — Brno, 2008.
- [14] *Skocpol T.* States and Social Revolutions. — Cambridge, 1990.
- [15] *Sorokin P. A.* The Sociology of Revolution. — N.Y., 1967.
- [16] *Tocqueville A de.* Starý režim a revoluce. — Praha, 2003.
- [17] *Welsch W.* Estetyka poza estetyką. — Kraków, 2005.

- [18] *Wilson E.* O lidské přirozenosti: Máme svobodnou vůli nebo je naše chování řízeno genetickým kódem? — Praha, 1993.
- [19] *Winock M.* Le siecle des intellectuels. — Paris, 1999.
- [20] *Ziólkowski M.* Teoria społeczna na początku XXI wieku // Współczesne teorie socjologiczne. T I. — Warszawa, 2006.
- [21] *Batygin G.S.* Vlast' i intělektualy // Věstník RUDN. Serija Sociologija. — 2008. — № 3.
- [22] *Weber M.* Nauka kak prizvanie i professija // Izbrannyje proizvedenija. — M., 1990.
- [23] *Parsons T.* O strukture socialnogo dějstvija. — M., 2000.
- [24] *Snow Ch. P.* Dve kultury i nauczajna revoljucija // Portrety i razmyslenija. — M., 1985.

INTELLECTUALS AND THE AUTHORITIES: THE ROLE IN THE “VELVET” REVOLUTION IN CZECHOSLOVAKIA (a Sociologist’s Notes)

M. Petrusek

Chair of sociology, Institute of sociological studies
Faculty of social studies
Karlov University, Prague
U Kříže 8, 158 00 Praha 5, Czech Republic

The article is devoted to the evaluation of the role and place of intellectuals in the ideological preparation of the “Velvet revolution” in Czechoslovakia in November, 1989. It examines the sociological conceptions of revolution, and their applicability to the analysis of the November events. In the analysis of the subsequent evolution of the Czech republic, the author notes the difficulties of the transition from a post-totalitarian society to the market economy, describes the social-economic system, which emerged as a result of the revolution, characterized by consumerism, domination of mass culture etc, which turned out to be a far cry from what “the mass”, carried away with a certain euphoria, had expected.

Key words: intelligensia, intellectuals, the authorities, revolution, post-totalitarian society, consumption society, mass culture, human nature.